• Питер Нейл

•

Питер Нейл Суд Эрлика (Конан)

И вновь непроглядная ночь опустилась на дворец эмира Дауда, правителя Эссаира... Ночь густая, как волосы Таммузы, его возлюбленной супруги, и такая же черная. Звезды блестели на небесном пологе, яркие, как бриллианты, усыпавшие наряд принцессы. В воздухе веяло ароматом жасмина и раскаленного песка. Когда Таммуза выглядывала из окна опочивальни, любуясь ночью, ей казалось, будто она взирает на самое себя.

Оторвавшись от окна, красавица-принцесса обернулась к мужчине, что стоял перед ней.

— Тебе пора идти, мой любимый. Стража только что сменилась, и гурджийцы заступили на свой пост. Ты слышишь их голоса?

Мужчина, словно бы и не внемля ее словам, шагнул к женщине, резким движением срывая с ее плеч накидку темно-синего бархата, в которую она закуталась, поднявшись с ложа. Несколько мгновений он держал ее на расстоянии вытянутых рук от себя, любуясь запрокинутым лицом принцессы, — а затем припал к пунцовым устам жадным и властным поцелуем.

— Ты моя, Таммуза! Слышишь? — шептал он горячо, почти не отрываясь от ее губ. — Я не отдам тебя никому, и пусть этот старый жертвенный баран, твой муж, знает... Ты будешь только моей! Я готов кричать об этом со всех крыш Эссаира.

Женщина задрожала в его объятиях.

— О, любовь моя! Не веди таких речей, умоляю! Всякий раз, когда я слышу это, сердце мое обрывается. Ты же знаешь, нам не суждено быть вместе. Молю тебя, будь осторожен...

Но она так же, как и мужчина, не спешила прервать поцелуй, лобзая возлюбленного столь жадно, словно это объятие могло стать для них последним. Ее руки скользили по широкой спине, поднимаясь к мускулистым плечам, ерошили длинные черные волосы, перехваченные простым кожаным шнурком...

— Мы должны быть осторожны! Осторожны... — шептала Таммуза, покрывая поцелуями лицо мужчины. — Мне таких усилий стоило придумать этот план, позволивший нам встречаться беспрепятственно... Неужели ты позволишь своей горячности погубить нас обоих?

Ее ночной гость покачал головой. Выпустив Таммузу из кольца своих рук, он отстранился, и было видно, что это простое движение стоит ему неимоверных усилий.

— Ради тебя я готов на все, огонь души моей... — голос его был хриплым в ночной тьме. — Лгать, красть, убивать... Ты сама знаешь, что я сделал, лишь бы мы были вместе...

Женщина также отступила на шаг, вновь косясь за окно, где на восточном окоеме уже намечалась сереющая полоса, предвещающая скорый рассвет.

— Да, мой единственный, но ты слишком горяч, и если не смиришь свой нрав, то нас обоих ждет беда. Доверься женской хитрости... и подожди. А сейчас...

Она вновь подбежала к мужчине и, привстав на цыпочки, чтобы дотянуться до его лица, крепко поцеловала в губы.

— Теперь ступай, возлюбленный. Ступай, пока не рассвело, чтобы гурджийцы не

смогли разглядеть твоего лица. Послезавтра я вновь буду ждать тебя.
— Это время мне покажется вечностью. — С такими словами мужчина развернулся и исчез во тьме, бесшумным шагом удаляясь от покоев Таммузы. Синий плащ дворцового стражника, наброшенный на его мощные плечи, во мраке стал серым, — да и сам ночной

Из прекрасных, темно-синих глаз принцессы Таммузы, смотревшей ему вслед, скатилась единственная слезинка, прозрачная и сверкающая, словно звезда.

гость вскоре слился с тенями и исчез, словно его и не было.

* * *

Ночь была жаркой и душной, липнущей к коже, как влажная ткань. Впрочем, точно такая же, как и накануне... и два дня назад.

Конан, опираясь на тяжелую парадную алебарду, свободной рукой потер усталые глаза и широко зевнул.

- Как вы это терпите, Хаджиб? Его напарник-часовой оторвал глаза от рукояти кинжала, резьбу которой рассматривал с таким увлечением, словно ничего интереснее никогда в жизни не видел, и перевел взгляд на киммерийца.
- Это потому что ты с севера, парень. Сколько ни встречал северян, никто из них не может привыкнуть терпеть нашу жару, даже если проживут здесь много лет. Он помолчал, задумавшись. Полагаю, для этого здесь надо родиться. Он коротко хохотнул. Должно быть, если бы Эрлик занес меня в твои суровые края, я не, протянул бы там и трех дней. Говорят, у вас случаются такие сильные ветры зимой, что могут у человека мясо сорвать с костей...

Киммериец пожал плечами. Сейчас за дуновение такого ветерка он отдал бы половину того, что получал на службе у эссаирского эмира. Но увы, вот уже который день из пустыни дул лишь жаркий, несущий пыль и песок хевас, — ветер, который тут называли еще «гневом Тарима».

- Я подскажу тебе лучшее средство от этой жары, продолжал между тем Хаджиб. Был он смуглокожий и горбоносый, с аккуратно подстриженной черной бородкой, на манер туранцев, и такой же малорослый. Чтобы взглянуть дюжему северянину в лицо, ему приходилось запрокидывать голову.
- Лучшее средство точно тебе говорю! промочить горло в кабаке папаши Иссейна, а затем завалиться к девочкам на Шелковой улице... На лице его расплылась широкая счастливая улыбка. Что скажешь?

Конан задумался. Обычно предложение выпить вина и повеселиться с разбитными доступными девицами никогда не давало ему повода к подобной задумчивости, — ибо ответ тут мог быть только один. Но в эту проклятую жару вся жизнь в городе замирала спустя пару часов после рассвета, когда солнце начинало палить во всю мощь, и вновь возобновлялась уже ближе к закату, — а свой вечер он уже обещал эмиру Дауду.

- Сегодня вряд ли, бросил он Хаджибу.
- Эмир просил показать ему пару приемов с двуручным мечом. В его коллекции оружия полно самых удивительных вещей. Не поверишь... Он хохотнул, вспоминая. Я

обнаружил там даже парочку пиктских копий с боевыми насечками. А двуручник у эмира знатный — шамарской работы. На нем львиное клеймо. — И, видя, что собеседник не понимает, о чем речь и не может представить, что вызвало такое восхищение варвара, пояснил. — Есть одна кузня в Шамаре, откуда выходят самые лучшие клинки во всей Аквилонии, а, возможно, и во всей Хайбории. Они куют мечи для аквилонских королей вот уже три сотни лет, поэтому им и даровано право ставить клеймо в виде головы льва у самого основания клинка. Более справных и уручистых мечей я в жизни не встречал, — северянин одобрительно цокнул языком и мечтательно вздохнул. — Вот только стоят они свой полный вес золотом... Да еще и не всякому их продают.

Напарник киммерийца лишь пожал плечами в ответ на эту пламенную речь.

— А по мне, так эти ваши двуручники — тяжелая и неудобная штука. Куда лучше, когда в руках легкая туранская сабля. Я уж не говорю про кенхали вендийской работы. Слыхал когданибудь про такие?

Но углубиться в сравнение достоинств разного вида оружия двоим воинам не удалось: в глубине коридора, где они стояли на страже, послышались шаги множества ног. Это эмир Дауд возвращался из женских покоев в сопровождении свиты евнухов.

Проходя мимо часовых, правитель Эссаира ненадолго задержался.

— Как твоя нога? — обратился он к Хаджибу. — Не беспокоит?

Воин отвесил короткий поклон.

- Благодарю тебя, мой господин. Твои лекари постарались на славу. Рана почти зажила.
- Тебе не за что благодарить меня, ведь эту рану ты получил у меня на службе. Разве могу я не позаботиться о тех, кто предан мне всей душой?
 - Эмир Дауд погладил длинную седую бороду, а затем потрепал молодого воина по плечу.
- Служи справно, Хаджиб, и ты выбъешься в люди, как твой дед и отец, хотя мне будет досадно, когда ты решишься оставить меня.

Смуглокожий стражник горделиво распрямил плечи.

— Не раньше, чем у меня подрастет сын, который сможет так же честно служить тебе, мой господин.

Эмир одобрительно улыбнулся и обернулся к Конану.

— Ты не забыл, северянин? Вечером я жду тебя в Мраморных покоях. В моей коллекции еще найдется немало экземпляров, способных тебя удивить. И, кстати — ты был прав, я действительно отыскал там длинный боссонский лук. Теперь мы сможем на деле проверить, уступают ли изделия западных мастеров творениям наших гирканских умельцев...

Конан с довольным видом кивнул. Хотя всякому иному оружию он предпочитал честный стальной меч, но и стрелять из справного лука никогда бы не отказался.

- Только лучше выехать за городские стены, предложил он. Здесь, во дворце, даже на большом дворе, мы не сможем отставить мишени достаточно далеко.
- Ты так уверен в себе, мой друг? лукаво подмигнув, осведомился стареющий правитель.

Северянин рассмеялся.

— А ты вновь готов поставить сотню золотых? Я не против, никогда не откажусь от возможности увеличить свое жалованье!

С усмешкой эмир покачал головой и указал на свиту, молча застывшую в отдалении, дожидаясь, пока правитель закончит разговор и можно будет проследовать дальше.

— Впредь мне придется быть осторожнее, когда спорю с тобой, киммериец. Иначе ты

выиграешь все деньги из моей казны, и мне не на что будет кормить этих бездельников.

Внезапно правитель посерьезнел.

— Скажи мне, северянин, совершил ли ты сегодня обход постов стражи, как мы договаривались с тобой? Что ты скажешь об этом? Я изменил все, в точности по твоему совету. Полагаешь, теперь дворец в безопасности? Я не могу рисковать...

С сурового лица северянина также сошла улыбка.

— Никто не может считать себя в полной безопасности, и тебе это известно не хуже, чем мне. Но я сделал все, что мог. Теперь, когда посты стражи усилены на всех выходах из дворца и обходы совершаются в разное время, без точно установленного распорядка, злоумышленникам куда труднее будет подобраться к принцессе Таммузе, чем прежде. Думаю, ты можешь вздохнуть спокойно, господин.

Эмир Дауд и впрямь вздохнул, вновь принявшись задумчиво поглаживать бороду. В ней изрядно прибавилось седины после переживаний последних месяцев...

* * *

Именно так они познакомились, а позже свели дружбу со здоровяком-северянином. Принцесса Таммуза, возлюбленная супруга эмира Дауда, ради которой он отказался от всех своих наложниц, распустил гарем и полностью очистил женскую половину дворца, — ибо таково было условие юной красавицы, согласившейся выйти за него замуж, — была похищена неизвестными злодеями спустя всего полгода после свадьбы.

Никто не знал, как это произошло. Никто не слышал ни шума, ни крика, словно похитители действовали колдовством. Лишь в опочивальне принцессы, когда поутру служанки явились будить госпожу, обнаружились следы борьбы: перевернутые табуреты, разорванные покрывала... и капли крови на пушистом белоснежном ковре иранистанской работы.

Встревоженный и не помнящий себя от волнения, эмир приказал снарядить погоню. Но похитители не оставили никаких следов. Стражники Северных Ворот утверждали, будто видели отряд всадников, во весь опор вылетевших из города на рассвете, — но никто не мог сказать в точности, куда затем направились злодеи.

На помощь эмиру пришел отряд гвардейцев правителя Турана, случайно оказавшийся в этих местах. Сотня отборных воинов под командованием Амаля Джебала возвращалась в аграпурские казармы, изрядно потрепанная после частых стычек с козгарами.

Амаль Джебал приходился родичем давнему знакомцу эмира Дауда, с которым они в свое время вместе служили королю Ездигерду, прежде чем Дауд удалился в родные места, чтобы принять власть из рук умирающего отца... Во имя этой старой дружбы и родства он обратился за помощью, — и получил ее.

Несмотря на усталость, туранские гвардейцы приняли самое действенное участие в поисках похищенной принцессы. Рассыпавшись по степи, их следопыты вскорости обнаружили место, где мог пройти конный отряд, увезший супругу эмира, — и все устремились в погоню.

Два дня они скакали без продыха, на ходу меняя лошадей; даже дремали и ели тоже в

седле, чтобы не терять времени понапрасну.

На рассвете третьего дня настигли они похитителей, — и завязался кровавый бой.

К небольшому отряду, вывезшему принцессу Таммузу из ворот Эссаира, успело присоединиться с тех пор целое небольшое войско. Амаль Джебал утверждал, что это именно те козгары, за которыми его сотня гонялась по всей степи... Что ж, туранским гвардейцам выдалась славная возможность отомстить давним заклятым врагам. Жаль только, что у них так и не удалось выведать, кто же стоял за похищением принцессы, — ибо в пылу схватки туранцы уничтожили похитителей всех, до единого.

Особенно отличился в бою один из воинов отряда, — могучий, рослый северянин с синими, как сапфиры, глазами и волосами цвета южной ночи. Огромный двуручный меч в руках его плясал, легкий как перышко, разя врагов наповал и неся погибель в каждом своем движении. Он с легкостью уходил из-под ударов козгарских сабель, — и с каждым рывком, с каждым касанием клинка у него становилось на одного врага меньше...

Словно зачарованный, эмир Дауд наблюдал за этой пляской смерти, в которой ему чудилось нечто дикое, первозданное, пришедшее из тех времен, когда танец еще заменял людям все иные искусства, а зачастую даже и человеческую речь... Времена простые и дикие, прекрасные в своей незамутненной ясности, когда лишь кровь разделяла врага и друга, — и кровь же скрепляла узы братства... Глядя, как уверенный в себе и непоколебимый, точно скала, северянин расправляется с противниками, эмир ощущал, словно это он сам стоит сейчас на поле боя, сжимая в налившихся давно забытой силой руках пляшущий огненный клинок...

И он почти ощутил действительную боль, когда в плечо северянина внезапно впилась прилетевшая из гущи битвы стрела. Сдавленно охнув, эмир обратился к кому-то из своей свиты, краем глаза пытаясь уследить за отчаянно отбивавшимся воином, в ожидании, что тот вот-вот рухнет от потери крови.

— Этому человеку нужно помочь. Взгляни, как храбро он бьется. Он один положил едва ли не половину отряда козгаров!

Но киммерийцу словно бы и не требовалась их помощь. Несмотря на рану, он продолжал сражаться, круша все направо и налево и уверенно пробираясь к закрытой повозке, вокруг которой сопротивление похитителей было особенно яростным.

Подобно вихрю, он ворвался наконец в ощетинившееся саблями кольцо врагов. Воодушевленные его примером, туранцы и эссаирцы с воинственными воплями навалились на козгаров. Кровь хлестала во все стороны из отрубленных конечностей. Выли и хрипели умирающие, звенела сталь, и свистели в воздухе стрелы... Эмир, наблюдавший с вершины холма за беспощадным побоищем, не мог заставить себя отвести глаза.

Но вот уже киммериец пробился сквозь кольцо козгаров к самой повозке, окошки которой были наглухо задернуты занавесками. Рывком распахнув дверцу, он заглянул внутрь. Со спины на него тут же напали двое похитителей, и эмир невольно закричал:

— Берегись! — Как если бы этот крик мог долететь до северянина и чем-то помочь отважному воину...

Но тот и не нуждался в предупреждениях. Стремительно развернувшись, он наискось размашисто полоснул мечом, — и оба его противника рухнули, обливаясь кровью. На помощь киммерийцу уже спешили другие бойцы из его отряда... Когда он, наконец, вынырнул из повозки, взвалив на мощное плечо пленницу, замотанную в шелковые покрывала, — туранцы уже расчистили для него дорогу. Сжимая в свободной руке огромный

меч, киммериец поспешил вытащить принцессу из гущи схватки.

— Скорее! — Эмир во весь опор бросил лошадь по склону холма. Свита последовала за ним. — Мы должны помочь ему!

Передав похищенную принцессу на руки благодарному супругу, киммериец, несмотря на кровь, обильно пятнавшую его доспехи, без единого слова развернулся, готовый вновь окунуться в кипящий котел битвы, — но это уже не требовалось.

Шум боя постепенно стихал. Эссаирцы и гвардейцы Илдиза приканчивали последних козгаров, отчаянно пытавшихся сопротивляться. Очень скоро в долине не осталось в живых никого из похитителей. Тучи воронья и стервятников поднялись в воздух, привлеченные теплым пряным запахом крови.

Соединенный отряд медленно двинулся прочь. Лишь полтора десятка эссаирцев, по приказу эмира, задержались на месте сражения, дабы предать своих погибших земле. О козгарах, разумеется, никто не собирался проявлять подобной заботы...

Некоторое время туранским гвардейцам и отряду эмира было еще по пути, но вот наконец настал миг, когда дороги их должны были разойтись: дорога эссаирцев лежала на запад, к границе с Хорайей, где простирались владения эмира; туранцы же возвращались в Аграпур.

Сердечным было прощание пожилого правителя с сотником Амалем.

— Теперь мне будет чем порадовать владыку! — радовался молодой полководец. — Проклятые козгары долго не решатся тревожить наши границы... Жаль лишь, что потери оказались так велики. Я потерял немало хороших бойцов, а путь до Аграпура еще не близкий. Боюсь, в дороге от ран умрет немало славных парней...

Эмир взволнованно окинул взглядом поредевший отряд Амаля. Ему вспомнился гигант-киммериец, так отважно сражавшийся за спасение его супруги, но Дауд был настолько счастлив, что принцесса вернулась к нему целой и невредимой, что на время даже позабыл о ее спасителе... А ведь киммериец был ранен! Что если и его жизни угрожает опасность? Он никогда не простит себе подобного небрежения...

— До Эссаира осталось менее дня пути, — обратился он к туранскому сотнику. — Отправь всех раненых со мной, Амаль. Мои лекари позаботятся о них. А потом твои парни вернутся и продолжат службу. Это самое меньшее, что я могу сделать для тебя в благодарность за вашу помощь...

Туранец согласно кивнул. Самому просить за своих парней ему бы не позволила гордость, но от подобного предложения он никак не мог отказаться.

— Когда я прибуду в Аграпур, то доложу, что им предоставлен отпуск по болезни, — заявил он. — Они смогут вернуться, как только встанут на ноги... И даже их жалованье за это время сохранится в неприкосновенности.

Он тут же развернулся, чтобы дать своим людям необходимые указания.

Вскоре два отряда разошлись в разные стороны. Кавалькада эмира Дауда двигалась теперь совсем медленно, ибо продвижение всадников сдерживали два с лишним десятка раненых воинов, большинство из которых с трудом держались в седле, а то и вовсе двигались на носилках, закрепленных меж двух едущих бок о бок лошадей.

Лишь гигант-северянин, — к тому времени эмир Дауд уже узнал, что его имя Конан, — сперва отказывался последовать вместе с остальными ранеными, ссылаясь на то, что вполне способен продолжить путь до Аграпура. Но сотник, лично осмотрев воспалившуюся рану, покачал головой.

— Ни к чему геройствовать, мой друг. Нам в пути не будет угрожать никакая опасность, и твой крепкий меч не понадобится для защиты от козгаров. Но вот для тебя лишние пять дней пути могут стать роковыми. Все свои целебные травы наш лекарь успел израсходовать и теперь ничем не сможет помочь тебе, а во дворце Дауда вас ждут опытные целители... Мы будем рады видеть тебя вновь в Аграпуре, когда ты оправишься от ранения.

Заметив, что северянин по-прежнему колеблется, ибо, похоже, душе этого прирожденного воителя нестерпимо было выказывать слабость даже в самых малых ее проявлениях, — эмир Дауд добавил:

— Не думай, что тебе предлагают отдых, словно какому-то старцу, утомленному от сражений! Я имею на тебя особые виды, воин. Я видел, как ты владеешь мечом: моим стражникам есть чему у тебя поучиться. И кроме того, я волнуюсь за безопасность моей возлюбленной супруги. Мне нужны новые люди, чтобы усилить ее охрану... К тому же, свежий взгляд может приметить бреши в обороне, которые ускользнули от нашего внимания.

Выслушав все это, Конан кивнул.

— Я поеду с тобой, эмир. И по правде сказать, буду рад отдохнуть от этой бесконечной степи, чтобы песок наконец перестал скрипеть на зубах... И выспаться в нормальной постели, а не на голой земле.

Со смехом они отправились в путь. Эмир уже предчувствовал, что в лице северянина обретет не только воина, — но и друга.

Однако правитель не заметил, каким странным взглядом проводила его юная красавицажена этого гиганта-киммерийца, присоединившегося к их отряду. Во взоре черных очей, сверкнувших поверх тончайшей накидки, скрывавшей нижнюю часть лица, было нечто большее, чем просто благодарность за свое спасение... Огонь страсти горел в этих глазах, — но их задумчивый прищур выдавал некий тайный расчет.

...Ощутив на себе чей-то пристальный взор, Конан обернулся в тревоге, — но не заметил ничего, что могло бы вызвать подозрения привычного к опасности северянина. Вместе с отрядом эмира Дауда он двинулся по дороге, ведущей в Эссаир.

* * *

— Скажи, а как такого парня, как ты, занесло в наши края?

Правитель со свитой давно удалился, и в эссаирском дворце вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь пронзительными воплями павлинов, доносившихся из сада. Всякий раз, когда он слышал эти скрежещущие, мяукающие звуки, неподвластные, казалось, глотке ни одного живого существа, а лишь адским демонам, — Конан с трудом сдерживал желание выругаться... Но вот голоса проклятых птиц вновь затихли. Он оглядел пустынный коридор, настороженно проверяя, все ли в порядке, и наконец успокоившись, обернулся к напарнику.

— Знаешь, мне как-то говорил один мудрый человек, что люди в большинстве своем — оседлые, как деревья, пустившие корни. Где бросили зернышко, там оно и растет... — В такой поздний час, в ночной тиши любого человека даже привычного больше орудовать мечом, нежели словами, поневоле тянет на философствования... — А другие люди, он говорил, — навроде перекати-поля, нигде не задерживаются подолгу. Вот и я как раз из

таких.

— А давно ты служишь в Туране? — Хаджиб любил поболтать... да и как еще скоротать время на кажущемся бесконечным ночном дежурстве?

О себе он успел рассказать северянину все: и то, что он третий сын в семействе потомственных стражников дворца эмира, и то, что отец его болеет, ибо от ветра прилетающего из хорайской пустыни, начинают ныть старые раны, полученные в боях за Эссаир в те времена, когда они еще враждовали с соседним княжеством — Мундаром. Приграничные стычки прекратились, лишь когда свою дочь Таммузу мундарский эмир выдал замуж за Дауда, — так двое правителей порешили прекратить сию бессмысленную вражду, чтобы наследник, родившийся от этого брака, унаследовал и объединил под своей рукой оба княжества...

Впрочем, вопросы высокой политики мало интересовали простого стражника. Куда больше Хаджиб был озабочен тем, что его собственная сестра, Миртаз, вступает в женский возраст, и семейству нужно готовиться принимать сватов и собирать девице приданое...

Слушая всю эту болтовню, Конан лишь рассеянно кивал. Ему, человеку бессемейному и не обремененному никакими близкими отношениями, все это казалось далеким и малоинтересным. Он не мог даже вообразить себе, со всем пылом и нетерпением юноши, которому едва минуло двадцать пять зим, — с какой стати люди взваливают на себя такую ношу, что заставляет их отказаться от вольных странствий и осесть на одном месте, погрузиться в унылую тоску рутинной жизни, обречь себя до самой смерти ходить по одним и тем же улицам, видеть вокруг одни и те же лица... Сам он от такого существования зачах бы в считанные дни, точно дикий зверь, запертый в клетке...

- Я перекати-поле, вновь повторил он Хаджибу. Где есть возможность подзаработать, где нужен крепкий меч и рука, уверенно держащая его, туда я и иду. Был гладиатором в Халоге, промышлял в Заморе... теперь вот нанялся в гвардию Илдиза. Он задумчиво поскреб подбородок. Поглядим, что из этого выйдет. Не могу сказать, что мне по душе тянуть солдатскую лямку. Слишком много начальников вокруг, и каждый норовит указать, что тебе делать и как. Если найду себе занятие получше сразу брошу это дело!
- Ну, у нас в Эссаире все же не то, что в гвардии у Илдиза, резонно заметил дворцовый стражник. И сам эмир тебя привечает...

В этих словах не было слышно ни зависти, ни подковырки, и потому Конан лишь безразлично пожал в ответ плечами. Эссаирский правитель был ему по душе: крепкий вояка, чьи боевые подвиги, правда, остались в далеком прошлом... Но эмир сохранил честь и достоинство, подобающие солдату, не обрюзг, не разленился, предавшись роскоши, и за это северянин уважал его.

Кроме того, эссаирских гвардейцев не донимали бессмысленной казарменной муштрой, и отношения между начальниками и солдатами в войске были хоть и строгими, но скорее отеческими, так что понятным становилось желание Конана задержаться в этих местах подольше. Хотя рана его давно уже зажила, он пока и не заговаривал о возвращении в Аграпур.

Однако когда он поделился этими своими мыслями с напарником, тот широко ухмыльнулся и как-то двусмысленно хохотнул.

— А только ли в этом дело, приятель? Уж не некие ли черные глазки, так страстно глядящие на тебя, тому виной?... И не алые ли губки, что улыбаются так призывно?...

Конан не сразу понял, о ком говорит Хаджиб, но когда смысл слов стражника дошел до

него, северянин нахмурил брови.

— Ты слишком много треплешься, парень. Если во рту у тебя языку чересчур просторно, то я могу вбить тебе в глотку пару зубов, чтобы не болтал чепухи...

Тон его был довольно резким, но Хаджиб, похоже, ничуть не обиделся.

— Тебя никто не подозревает ни в чем неподобающем! Эрлик свидетель, я знаю, что ты предан нашему эмиру, северянин... Мы все были бы рады, если бы ты надумал наконец бросить службу в Аграпуре и нанялся к нам — хотя бы на время. У нашего господина нет причин не доверять тебе. И все же согласись, эти мундарские красотки так восхитительны...

Мундарские красотки — по крайней мере, одна из них, — и впрямь радовали глаз любого мужчины; и к тому же не один Хаджиб, но и все его приятели вот уже добрых поллуны не уставали подначивать киммерийца, а все из-за того происшествия на пиру!..

И что только нашло в тот день на эту женщину?!

* * *

Пир был устроен эмиром Даудом в честь спасения своей возлюбленной супруги из лап похитителей. Конан, в то время еще не до конца оправившийся от раны, оказался на празднестве одним из почетных гостей. Помимо него, присутствовала вся эссаирская знать, высшие военачальники, — но также правитель не почурался пригласить и простых солдат, из тех, кто особенно отличился в этом походе.

В просторном зале для пирующих были приготовлены низкие ложа, на туранский манер. Между столов отплясывали под зажигательные мелодии танцовщицы, расхаживали фокусники, демонстрировали свое искусство акробаты... да и сами гости не сидели на месте: перемещались от одного стола к другому, общаясь то с одним, то с другим знакомым. Конан ни на миг не оставался в одиночестве. Сказать по правде, молодому наемнику привычнее и приятнее было бы общество таких же простых вояк, как он сам, с кем можно было бы поделиться воспоминаниями о походах против козгаров, о жарких битвах и неурядицах, поджидающих всякого бойца в его полной превратностей жизни... Но поскольку сам эмир особо выделял молодого северянина, то волей-неволей и знать была вынуждена следовать его примеру.

Несомненно, киммерийцу было вовсе не по душе, что эти знатные господа пялятся на него, точно на ярмарочного медведя, вгихомолку обсуждая его мускулы, стать и немалый рост. Они как будто покупали его, точно породистую лошадь... Он едва сдерживался, чтобы не затеять ссору, и лишь почтение к сединам эмира Дауда заставляло его укротить свой горячий нрав.

В особенности двое из гостей стали для него причиной лютого гнева. Дородный жрец Эрлика, — бритый наголо мужчина в просторном огненно-алом одеянии, с брезгливо поджатыми губами и близко посаженными темными глазами, смотревшими на мир враждебно и надменно; а также сморщенный человечек с крючковатым носом, столь увешанный драгоценностями, что едва не до земли склонялся под тяжестью собственных одежд... позднее кто-то сказал киммерийцу, что это сам верховный канцлер Эссаира. Эти двое, ничуть не скрывая пренебрежения, кидали на Конана презрительные взгляды,

подмечая, как он ест, как держит себя, и вполголоса обменивались язвительными замечаниями.

Северянин был бы рад, — раз уж нельзя вызвать этих спесивых ублюдков на поединок, — просто уйти из-за стола и вернуться на другой конец зала, где перебрасывались веселыми шутками его приятели-гвардейцы... Но сюда его пригласил сам эмир, спрашивавший сейчас Конана о том, как проходила его служба в Аграпуре, и потому киммерийцу оставалось лишь терпеть, время от времени бросая на канцлера со жрецом взгляды, полные убийственной ярости. Что касается правителя, сидевшего к этим двоим вполоборота, то он ровным счетом ничего не замечал.

Однако заметил кто-то другой.

— Любезный мой супруг, — внезапно послышался мелодичный женский голосок, перебивший эмира на полуслове. Тот с ласковой улыбкой воззрился на принцессу Таммузу, возлежавшую на соседнем ложе. На пиру она оказалась единственной женщиной из приглашенных. — Сдается мне, мой господин, что не всем из собравшихся здесь высоких гостей понятно, почему так высоко ты ценишь этого воина. — И Таммуза долгим оценивающим взглядом окинула киммерийца, а затем улыбнулась ему.

Конан никогда не смущался, имея дела с женщинами, и улыбки на их устах видел не так уж редко. Улыбки разные — призывные, соблазняющие, такие, за которыми пытаются скрыть слезы... порой даже презрительные... В словах принцессы Таммузы не было ничего угрожающего, но от ее улыбки его невольно пробрала дрожь.

- Что ты хочешь этим сказать, зеница ока моего? обратился к супруге эмир.
- Лишь то, мой любезный господин, что некоторые из гостей, сидящих за твоим столом, ревниво взирают на то, как ты приблизил к себе этого человека, и позволяют себе быть непочтительными с ним. Я вижу это, и она сделала выразительную паузу, не глядя ни на кого в особенности.

Придворные испуганно замолчали.

- Ты ошибаешься, моя дорогая, уверяю тебя, пожилой эмир явно чувствовал назревающий скандал, и изо всех сил пытался предотвратить его. В жилах Дауда текла горячая кровь южных владык, но старость остудила этот огонь, и сейчас более всего на свете он стремился к миру и покою. Заверяю тебя, алмаз моего сердца: все здесь знают, как много сделал Конан для твоего спасения. Разве не он пробился сквозь сабли козгаров и вырвал тебя из их грязных лап? Разве не он доставил тебя в мои объятия? Разве не он и сейчас готов верно послужить нам в Эссаире, чтобы больше никто не смог угрожать тебе?...
- О, да, мой господин, согласно кивнула Таммуза и, внезапно поднявшись с места, приблизилась к ложу, на котором возлежал Конан. Киммериец не успел понять, что должно сейчас произойти, как женщина неожиданно опустилась рядом с ним и на глазах у всех присутствующих, под изумленно-шокированный шепоток придворных обвила его плечи руками. Он истинный герой, мой господин, и заслуживает награды.

Теперь все вокруг смотрели только на них, и не за одним только столом правителя. Во всем зале повисла тишина, и Конан почувствовал на себе давление десятков пар потрясенных взглядов.

Что задумала эта красотка?! Хочет вынудить мужа вызвать киммерийца на поединок? По восточным законам чести, у того просто не оставалось иного выхода...

А женщина по-прежнему прижималась к нему. Он уже вознамерился, даже рискуя показаться грубым, отстранить ее от себя, но внезапно Таммуза сама вскочила, легкая,

словно пушинка, и засмеялась, обращаясь к эмиру:

— Ты видишь, как он надежен, мой господин? Непоколебим, словно скала. Он выдержал проверку, которую я устроила ему — на глазах у всех. Я обнимала его и дарила ласку, но он даже не взглянул на меня. Он слишком чтит тебя, мой возлюбленный супруг! — Почему-то в этих словах женщины северянину почудилась скрытая насмешка. — Ему ты можешь доверить заботу о моей чести. Мне будет спокойнее, если этот человек станет охранять женские покои дворца. Лишь тогда мой сон вновь станет крепок, и кошмары больше не будут преследовать меня...

Захлопав ресницами, она вернулась к супругу, и растроганный эмир прижал ее к груди.

- Я и не знал, что ты так страдаешь, моя красавица. Похитители напугали тебя?
- О, да, мой господин. Ты не можешь и вообразить, какого страху я натерпелась!
- Но ведь здесь, во дворце, надежная охрана.

Широко распахнув глаза, принцесса Таммуза с мольбой воззрилась на мужа.

— Прошу тебя, мой любезный господин. Этот северянин уже спас меня однажды. Я верю, что он сумеет защитить меня от любой беды.

...Так Конан стал одним из стражников, ночами охраняющих покой супруги эмира.

Нечего и говорить, что поначалу среди обитателей замка это вызвало немало насмешек и всевозможных домыслов. Сказать по правде, Конан и сам был не свободен от подозрений. Он помнил взгляд принцессы Таммузы тогда, по пути в Эссаир... И сейчас, в ее поведении на пиру также уловил что-то странное. Однако она не была похожа на женщину, жаждущую соблазнить мужчину, — и это тревожило его особенно сильно.

Если бы она просто вознамерилась заполучить его в свою постель, — он знал, как справиться с этим. Не то чтобы юная Таммуза казалась ему непривлекательной, или киммерийцу никогда прежде не случалось забираться в опочивальню к чужим женам, стоит лишь отвернуться престарелому мужу... Но к эмиру Дауду он испытывал искреннее почтение и не видел никакого смысла разрушать их дружбу столь недостойным образом. На свете полно и других женщин! И они таят в себе куда меньше опасностей, чем загадочная Таммуза...

И все же северянин по-прежнему не понимал, чего добивается от него принцесса, и потому испытывал тревогу. Отчасти успокаивало лишь то, что со дня празднества он всего пару раз имел случай увидеть принцессу, и всякий раз она проходила мимо совершенно равнодушно, не удостаивая его не то что словом, но даже взглядом или кивком. Возможно, она и впрямь была искренна, и на пиру желала лишь выказать благодарность своему спасителю?... Если так, то оставалось подождать еще совсем немного. Пройдет седмицадругая, — и все окончательно забудут о том нелепом происшествии, и глупые шутки прекратятся сами собой.

* * *

По порядкам, заведенным во дворце эмира Дауда, существовало две смены стражи, которые менялись еженощно, а также две смены дневных стражников; таким образом, дежурства Конана выпадали через ночь. Это было делом неприятным и утомительным не из-

за того, что предполагало некие особые усилия, а лишь по причине невероятной скуки, которой неизменно сопровождается стояние на посту. Впрочем, Конан не роптал. Пока заживало раненое плечо, он все равно был малопригоден к какой-либо иной службе, хотя и старался, невзирая на боль, тренироваться ежедневно и с луком, и с мечом, чтобы быстрее вернуть руке былую подвижность.

Кроме того он предполагал, что после того, как во дворце уляжется тревога, вызванная похищением принцессы Таммузы, жизнь войдет в привычную колею, и услуги киммерийца в качестве охранника больше не понадобится. Эмир наверняка найдет северянину куда более интересное и ответственное занятие.

К примеру, Дауд несколько раз говорил о том, что желал бы видеть Конана наставником своих молодых воинов, которым зачастую не хватало дисциплины, как и всем уроженцам вольных степей. Киммериец, послуживший в армии Турана, был отлично знаком с тамошними порядками и несомненно сумел бы добиться безоговорочного повиновения от эссаирских сорвиголов.

Об этом, и не только об этом, — говорили эмир Дауд с северянином несколько дней спустя после описанного выше ночного дежурства, когда занимались тем, что продолжали наводить порядок в обширнейшей эмирской коллекции оружия. Дело шло медленно, поскольку наслаждавшийся этим занятием киммериец то и дело отвлекался, чтобы испробовать тот или иной клинок на гибкость, примерить его к руке, сделать пару выпадов, чтобы услышать, как свистит в воздухе отточенное лезвие.

Здесь были и массивные аквилонские двуручники, клейменные Львом или Розой, и тяжеленные гандерские клейморы, которые мало кто из воинов способен был поднять, не говоря уж о том, чтобы пользоваться ими в бою, — разумеется, к гиганту киммерийцу это не относилось, и он с наслаждением сделал пару пробных ударов, вызвав возгласы восхищения у эмира и его свиты.

Вдоволь налюбовался Конан и более легкими немедийскими клинками с клеймом в виде прыгающего волка. Среди наемников их так и именовали: «волчатами». Подобным мечом опытный воин способен орудовать весь день, не уставая, — клинок словно сам просится в битву благодаря отменному равновесию, хотя, по мнению Конана, «волчата» все же были слишком легкими для его мощной руки.

Не без интереса разглядывал он и оружие с далекого юга: изогнутые шемские сабли, волнообразные короткие клинки из Стигии, формой своей напоминавшие изготовившуюся к броску змею; и рукоять у них с другого конца была раздвоенной, символизируя жало кобры...

Мечи из южных королевств, короткие, сильно утолщенные к основанию, с рукоятью, покрытой замысловатой резьбой, либо обмотанной прочной кожей с выжженными на ней загадочными знаками, представляли интерес скорее для собирателя редкостей, чем для воина, ибо опытный глаз Конана сразу видел, что металл на них пошел не самый лучший, да и обработаны они — не чета мастерским клинкам северной Хайбории. Впрочем, чего еще ждать от чернокожих дикарей...

Точно так же не глянулось варвару и оружие с Востока. Он чувствовал смертоносную силу в этих легких, не слишком длинных клинках, с лезвием, похожим на луч застывшего лунного света, — но владение ими явно требовало совсем иных умений, нежели у уроженца Запада. И потому Конан с сожалением откладывал в сторону эти удивительные мечи.

Впрочем, сегодня большую часть времени с эмиром Даудом они уделили кинжалам, которых у того в коллекции также было собрано превеликое множество. Конан, разумеется,

умел пользоваться ими и всегда имел кинжал в числе прочего своего снаряжения, однако, как и всякий прирожденный мечник, никогда не считал основным своим оружием. Тут эссаирцы могли многому его поучить.

Эмир прочел восхищенному гостю целую лекцию о различных свойствах ножей, об их пригодности для ближнего боя или для метания.

Затем, по просьбе правителя, слуги внесли в зал деревянную мишень с нарисованной на ней головой демона, — и Дауд с наслаждением продемонстрировал свое искусство, всякий раз укладывая метательный нож в цель, все больше увеличивая расстояние. Конан также сделал пару удачных бросков, а затем пришел черед покрасоваться и молодым придворным, окружавшим эмира...

Мужчины так увлеклись, громко хлопая в ладоши, сопровождая восторженными выкриками всякий удачный бросок, что совершенно не заметили появившуюся в дверях зрительницу.

— Как ты прекрасен, мой господин! Твои руки сильны, как у льва, а глаз точностью не уступает орлиному! — послышался внезапно мелодичный голосок принцессы Таммузы, и все торопливо оглянулись, склонившись в поклонах.

Принцесса медленно прошла в оружейный зал, пристально разглядывая разложенное повсюду оружие, покоившееся на бархатных подушках.

— Уж не на войну ли собираешься, мой господин, — со смехом обратилась она к супругу.

Тот горделиво распрямил плечи.

- Я должен быть способен защитить тебя, моя дорогая.
- О, несомненно, и твои воины, которых ты поставил на страже у моих покоев, на славу исполняют свой долг. При этом взор женщины, укутанной в пестрые шелка, задержался на Конане, и северянина вновь охватило какое-то недоброе предчувствие. Он попрежнему не мог разобраться, с какой стати эта женщина так выделяет его среди остальных. Или она все-таки пытается подать ему какие-то намеки, но делает это столь загадочным образом, что он не в силах ничего понять?

Ясно одно: на сегодня с оружием было покончено. Откланявшись, Конан простился с эмиром. Его ждали и другие развлечения: как всегда в свободные от дежурства дни, он собирался встретиться с приятелями-стражниками, чтобы пображничать в каком-то из кабаков Эссаира, а затем, возможно, завалиться к веселым девицам из Шелкового квартала.

Однако на пути его ждала еще одна встреча.

* * *

— А, это ты, северный варвар.

Конан едва заметно склонил голову. Вовсе не поприветствовать верховного жреца Эрлика было бы непочтительно, однако человек этот вызывал у него столь неприкрытое отвращение, что рассыпаться в любезностях прямолинейный северянин отнюдь не собирался.

— У тебя какое-то дело ко мне, Ассабах? — сухо поинтересовался он. — Если нет, то

лучше дай мне пройти. Я спешу.

Однако жрец по-прежнему загораживал ему проход, и как будто отнюдь не торопился в оружейный зал, откуда доносились громкие хвастливые голоса мужчин и заливистый смех принцессы Таммузы. Он стоял, в упор глядя на Конана заплывшими от жира глазками и рассматривал его, словно некое смертельно опасное животное, которое намерен рано или поздно уничтожить.

— Тебе должно быть жарко в наших южных степях, северянин? — процедил наконец верховный жрец. — Ты никогда не думал о том, чтобы перебраться в какие-нибудь другие места?

Чем он мог так помешать этому бритому борову?... Ни в чем и никогда их интересы не пересекались. Стражники во дворце не имели ни малейшего отношения к храму Эрлика, у которого была собственная, хоть и немногочисленная гвардия. Однако всякий раз, когда Конану доводилось повстречаться во дворце с Ассабахом, тот не мог удержаться от каких-то гадостей в адрес киммерийца.

— Ты надоел мне, жрец огненного бога, — отчеканил варвар. — Я долго терпел твои грязные речи, но Кром свидетель, терпение мое на исходе. Лучше обходи меня стороной, а не то я клинком поучу тебя вежливости.

Ничуть не устрашенный, жрец по-прежнему испепелял северянина взглядом.

— Уезжай, уезжай прочь отсюда, чужак. Нам известно куда больше, чем ты думаешь. Не надейся, что тебе и дальше удастся оставаться безнаказанным...

Угрозы?! Этого киммериец уже стерпеть не мог. Решительным движением он отодвинул в сторону возмущенного жреца.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, и в чем обвиняешь меня, Ассабах, — рявкнул он прямо в лицо жрецу. — Эмир Дауд нанял меня на службу, и я честно выполняю свой долг. Никто не смеет указывать мне, что делать, и я уеду из Эссаира только когда сам этого захочу. Что же касается тебя, служитель Эрлика, то вот тебе мой совет. Лучше не попадайся мне на пути, иначе вашему храму придется искать себе нового настоятеля.

Порядком разозленный, Конан продолжил свой путь. Даже когда с приятелямистражниками они уселись в караулке вокруг бутыли превосходного хорайского вина, сегодня друзья решили остаться во дворце, а не выходить в город, — он никак не мог избавиться от душившей его злости. Лаже приятели обратили на это внимание.

— Наш северянин сегодня черен, как грозовая туча, — со смехом заметил Наджиб.

Но когда Конан рассказал им о своей стычке со жрецом, стражники лишь поспешили в очередной раз наполнить ему доверху кружку.

— Пей, северянин.

Третий их собутыльник, Солах, пожилой воин, лишившийся глаза в стычке с мундарцами, похлопал варвара по плечу.

- Жрецы везде одинаковы, вечно суют нос не в свое дело. Наплюй и забудь.
- На моей родине такого нет, покачал темноволосой головой северянин. Кром суровый и равнодушный бог. Он взирает на воина лишь однажды, при его рождении, даруя ему жизнь и волю к победе. Больше он не сует нос в дела смертных. И я считаю это правильно...
- Возможно, пожал плечами Хаджиб. Хотя многим людям, слабым в душе, поддержка богов и их жрецов необходима, иначе они просто не смогут стоять на ногах. Вот почему служители культов забирают такую власть в свои руки. Наше счастье, что в Эссаире

эмир Дауд не дает им совсем распоясаться.

— Ну, этого Ассабаха не мешало бы приструнить, — проворчал Конан.

Впрочем, вскоре он забыл о докучливом жреце, наслаждаясь на диво неплохим вином и обществом бывалых вояк, с которыми успел крепко сдружиться за то время, что провел во владениях эмира Дауда.

Вином и дружеской беседой они наслаждались так крепко, что ближе к полуночи осознали: на сегодня все развлечения закончены и до «веселых домов» им попросту не дойти. Прикончив остатки вина, воины завалились спать прямо в караулке, к вящему неудовольствию двоих парней, заступивших на ночное дежурство, которым, разумеется, на службе нельзя было взять в рот ни капли, и потому оставалось лишь с завистью глядеть на изрядно набравшихся приятелей.

Вскоре ночную тишину оглашал лишь богатырский храп...

* * *

Проснулся Конан еще до рассвета, сам не зная, что разбудило его. Вероятнее всего — теснота и спертый воздух караульного помещения, где пришлось провести ночь.

С хрустом потянувшись, он решил, что следовало бы все же вернуться к себе в казарму, привести себя в порядок и сменить пропахшую потом одежду. Затем можно будет позавтракать, — а там будет видно, что принесет новый день.

Однако на ночь все входы и выходы из дворца наглухо закрывались: эмир заботился о безопасности. Будь сегодня день его дежурства, любой из караульных отворил бы для Конана ворота, однако сегодня был день чужой смены и никого из дежуривших киммериец не знал.

Его вообще немало удивлял этот распорядок, с первого же дня, как он оказался в Эссаире: две смены караульных жили в разных казармах, никогда не пересекаясь между собой, не общаясь, не приятельствуя и уж тем более не заводя дружеских отношений. Кто-то — кажется, то был сам Дауд, или кто-то из его свиты, — объяснил Конану, что так повелось исстари, когда эмиры Эссаира брали на службу представителей двух разных степных племен, враждовавших между собой. Их нельзя было ставить на дежурство вместе, иначе, невзирая ни на какую воинскую дисциплину, могло дойти и до смертоубийства...

Так этот обычай и закрепился в дальнейшем, хотя вражда между кланами давно забылась. Осталось лишь название — смена Конана именовалась «хорезской» в честь племени хорезов; а сегодняшняя — «гурджийской».

Объясняться с гурджийцами и просить их о чем-либо северянину не хотелось. Возвращаться в душную тесную караулку — тем более. Бродить же по полутемному дворцу в ожидании рассвета, когда ворота наконец откроют — и вовсе глупее не придумаешь. По счастью, киммериец вспомнил, что один выход из дворца, тот, что со стороны кухни, уже должен быть открыт: там таскают свои ведра водоносы и растрепанные поварята загружают дрова в бездонные топки котлов...

Так оно и оказалось. Протолкавшись через снующих во дворе челядинцев, киммериец уже начал прикидывать про себя, каким образом лучше добраться до казарм, расположенных на городской окраине, — ибо никогда прежде не ходил этой дорогой, как вдруг в спину ему

донесся голос:

— Эй, северянин! Мы и не заметили, как ты вернулся. Забыл что-нибудь?

Изумленный, Конан обернулся к говорившему. Из дверей караульного помещения ему дружески помахал рукой совершенно незнакомый стражник-гурджиец. Никогда прежде он не видел этого человека.

- Это ты мне? поднял брови северянин.
- Конечно, тебе, парень, кому же еще? Разве ты не помнишь, что мы здоровались, когда ты только что выходил за ворота? Через стену, что ли, перелез обратно? Стражник засмеялся.

Спросонья, и после выпитого накануне, голова у Конана изрядно гудела. Он поскреб затылок.

- Я выходил? переспросил он.
- Ну, а кто же еще?! гурджиец, похоже, потешался от души. Уж такого здоровяка, как ты, трудно не приметить...

Он, похоже, собирался добавить что-то еще, но внезапно словно некая сила толкнула Конана в спину. Он и сам бы не мог понять, что так встревожило его. Сейчас самое время было, забыв обо всяких нелепых странностях, спокойно добраться до казармы, соснуть еще часок-другой, чтобы разогнать хмарь в голове, затем позавтракать и отправиться на прогулку в ожидании ночного дежурства... Но усталость и сонливость вмиг слетели с Конана. Почемуто он не сомневался ни на миг, что самое главное для него сейчас — это догнать незнакомца, с которым спутали его гурджийцы.

Это было единственным объяснением. Через ворота дворца только что вышел человек, похожий на самого Конана. Кем он мог оказаться, тот не имел ни малейшего представления, но сходство явно должно было быть достаточно велико, чтобы стражники, — пусть даже в предрассветном полумраке, — спутали двоих мужчин между собой.

Конан не смог бы ответить, почему это поселило в его душе такую тревогу и предчувствие чего-то недоброго, но он слишком привык доверять своим инстинктам, и потому сейчас зашагал по улицам Эссаира, все ускоряя шаг.

Ноги сами несли его вперед, — и вскоре, далеко впереди, он заметил очертания рослой фигуры в точно таком же синем плаще, как у него самого. Человек шел не торопясь, не оглядываясь и явно точно зная, куда направляется, ибо уверенно сворачивал то в один проулок, то в другой, без колебаний выбирая дорогу в лабиринте узких городских улочек.

Конан двинулся быстрее, стараясь идти бесшумно, и начал сокращать расстояние между ними. Он уже готов был окликнуть рослого незнакомца... Но тут ему не повезло.

На узенькой улочке из подворотни прямо ему навстречу старуха-зеленщица выкатила свою тележку, торопясь до рассвета попасть на рынок. Конан невольно замешкался: им было никак не разойтись на узкой мостовой, а злобная старуха вместо того, чтобы дать ему дорогу, хрипло закаркала на всю улицу:

— Куда тебя несет, здоровяк проклятый! Чуть с ног меня не сшиб, гнев Эрлика на твою голову! Понаехало чужестранцев, житья от вас нет!..

Конан что-то рявкнул в ответ, — и тут шедший в полусотне шагов впереди незнакомец обернулся, привлеченный шумом.

На таком расстоянии в полумраке Конан, разумеется, не мог разглядеть его лица и надеялся, что и тот не сможет узнать своего преследователя, — однако незнакомца явно чтото встревожило. Он перешел на бег, стремительно исчезая в запутанном лабиринте Эссаира.

Оттолкнув докучливую старуху, Конан перескочил через проклятую тележку, загородившую ему путь, и со всех ног кинулся вдогонку. Пару раз впереди ему удалось заметить мелькавший синий плащ, — но затем незнакомец как сквозь землю провалился.

Встав на перекрестке, северянин задумался, что же делать теперь. Резоннее всего было бы, конечно, плюнуть на загадочное происшествие. Если этот парень служит во дворце, — на что ясно указывал синий плащ стражника, — то проще всего отыскать его именно там. Стоит лишь дождаться завтрашнего вечера...

Однако то же самое шестое чувство, что заставило киммериец пуститься в погоню, сейчас настоятельно твердило ему не отступать. Он и сам не знал почему, но не сомневался, что обязан как можно скорее разыскать ускользнувшего от него человека.

Впрочем, план действий был ему вполне ясен, ибо в прошлом Конану не раз доводилось использовать его. Дождавшись, когда город окончательно пробудился и вокруг забурлила жизнь, он отыскал ватагу сорванцов, возившихся в пыли и, кинув им пару медных монет, объяснил, чего хочет. Мальчишки, выслушав сосредоточенно, рассыпались в разные стороны, словно стайка проворных крысят. Еще ни в одном городе шустрая ребятня не отказывалась от возможности подзаработать и поучаствовать в каком-нибудь приключении...

Время в ожидании Конан провел в обнаружившейся поблизости таверне, за обильным завтраком и кувшином вина. Он чувствовал себя вполне бодрым, отдохнувшим и готовым к бою, когда ближе к полудню начали возвращаться его малолетние посланцы. Один из них принес долгожданную весть: рослый черноволосый мужчина в синем плаще остановился на постоялом дворе старика Ицита, в паре кварталов отсюда. Пока мальчишка провожал туда Конана, он успел добавить также, что, судя по всему, незнакомец проживает там уже добрых полторы луны. Ровно столько же, сколько сам киммериец провел в Эссаире...

* * *

Второй этаж. Третья комната по коридору... Приоткрытая дверь должна была бы насторожить Конана, но, подогреваемый нетерпением прояснить досаждавшую ему все угро загадку, он не задержался ни на миг, вихрем ворвавшись внутрь.

Мальчишка, приведший его сюда, оставил своего напарника на страже, у входа на постоялый двор, и тот клятвенно заверил киммерийца, что рослый, похожий на него незнакомец никуда с угра не выходил...

— Эй, парень, я все-таки отыскал тебя! Будешь знать, как бегать от...

Ворвавшись в комнату, Конан огляделся по сторонам. Проклятье! Неужто мальчишка обманул его, — или недосмотрел?... В комнате не было ни души. Куда же мог удрать этот шустрый ублюдок?!

Взгляд северянина метнулся к окну, но оно было слишком узким, чтобы там мог протиснуться человек его габаритов, — или таинственный незнакомец, если уж на то пошло, не уступавший статью самому варвару.

Внизу, в обеденном зале, его тоже не было... Так где же он?

Комната была совсем невелика. Сундук для одежды у стены. Рядом — шаткий столик, кровать посередине комнаты... Но что там за ней?

Мгновенно насторожившись, Конан двинулся в обход шаткого ложа.

Темно-синий плащ, а под ним — явно очертания тела.

Недрогнувшей рукой северянин сорвал это покрывало... и встретился взглядом с остановившимися глазами мертвеца.

Первое, что он отметил — незнакомец и впрямь был очень похож на него. Та же стать, та же спутанная грива черных волос, жесткие черты лица... Вот только глаза были орехово-карими, а не синими, и нос — хрящеватый и с горбинкой, какой часто встречается у южан... В остальном же, если не приглядываться, да еще в рассветном сумраке — их двоих запросто можно было перепутать.

Хотя сейчас, разумеется, различие было очевидным. Ибо Конан был жив, — а в сердце у незнакомца торчал кинжал.

* * *

Конан потянулся вытащить оружие из раны, чтобы рассмотреть его как следует, — киммерийца заинтересовала рукоять ножа, украшенная какими-то странными символами... как вдруг внезапно странный шорох за спиной привлек его внимание.

Он обернулся рывком.

Из-под кровати стремительно выкатилась какая-то фигура. Мгновение — и человек вскочил на ноги и бросился бежать.

Убийца!

— Стой! Стой, тебе говорю!

Конан бросился вдогонку. Он настиг негодяя у самых дверей, схватил за плечо...

Тот развернулся. В руке блеснул кинжал, метивший прямо в горло северянину. Киммериец успел отпрянуть, выхватывая меч.

Клинок был уже и в другой руке убийцы. Без единого слова он напал на варвара. Малое и большое лезвие плясали в его руках, словно застывшие языки пламени.

Драться длинным мечом в тесной комнате было не слишком удобно, — и к тому же Конан не ожидал нападения. Более того, ему не хотелось сразу прикончить незнакомца: возможно, он единственный, кто сможет объяснить, что здесь произошло, кем был убитый им неизвестный и что он делал во дворце эмира... Но незнакомец нападал на него столь яростно, что вскоре от миролюбивых намерений северянина не осталось и следа. Теперь он всерьез сражался за собственную жизнь.

Прыжок, выпад, разворот... Незнакомец орудовал в странной технике, больше полагаясь на стремительные уходы из-под выпадов и нанесение собственных ударов из самых неожиданных положений. Ни с чем подобным Конану никогда прежде сталкиваться не доводилось. Он ловко парировал все атаки убийцы, успев стремительно обмотать плащом левую руку, чтобы защититься от кинжала, — но пока никак не мог улучить возможности, чтобы напасть самому.

Но вот наконец подходящий момент...

Лезвие тяжеленного меча просвистело в воздухе, — однако в последний миг незнакомец сумел ускользнуть, и клинок обрушился на хлипкую столешницу, разрубая ее напополам. Во

все стороны брызнули деревянные щепки... Убийца скользнул под руку северянину, воспользовавшись мгновенной заминкой, пока тот выпрастывал меч, — и нанес удар в незащищенный бок. Конан успел развернуться и отбить атаку, а затем вновь устремился на врага.

Казалось, от его выпадов сотрясаются стены. Клинки сшибались, высекая снопы синеватых искр. Лишь одно удивляло Конана: почему на шум до сих пор не сбежались постояльцы, и хозяин заведения не вызвал стражу... А мертвец на полу наблюдал за поединщиками остановившимся взглядом карих глаз, в которых застыло некое понимание, недоступное простым смертным...

Незнакомец увернулся от очередного выпада Конана, но киммериец уже чувствовал, что противник начинал уставать. Сейчас его основной задачей было оттеснить того от двери, чтобы убийца не сумел сбежать. А там... скоро он сумеет обезоружить его, а потом свяжет и доставит к эмиру Дауду. Заплечных дел мастера выбьют у негодяя признание! С удвоенной решимостью северянин вновь перешел в атаку.

И внезапно... он сам толком не понял, что произошло. В обороне убийцы, доселе плотной, как золотая сеть, внезапно наметилась брешь, как раз подходящая для рубящего бокового удара. Конан сделал резкий замах, незнакомец вскинул руки, — и внезапно стена пламени вспыхнула перед ним.

Киммериец мог бы поклясться, что огнем загорелись скрещенные клинки в руках убийцы.

На мгновение он ослеп. Еще успела мелькнуть мысль: *отступить, уйти в глухую оборону*... — но затем не только зрение, но и мысли покинули его. Киммериец рухнул на пол, лишившись сознания.

* * *

Очнувшись, он сперва никак не мог понять, где находится. Над головой было синее небо, и время, судя по сползавшему к окоему солнцу, давно перевалило к вечеру. Где-то поблизости шумел народ, стучали колеса телег по мостовой, истошно голосили ослы и кудахтала домашняя птица... Но здесь, в узком проулке, не было ни души. С трудом поднимаясь и потирая глаза, перед которыми мелькали пестрые сполохи, Конан осознал, что находится на одной из улочек, окружавшей базарную площадь. Но как он мог оказаться здесь?

Пошатываясь, он выбрался на перекресток. Здесь, по счастью, были люди, — но все они с недоверием и подозрением косились на здоровенного варвара, нетвердо державшегося на ногах.

— Надо же, как набрался... — услышал голос Конан у себя за спиной. — Такие, как он, позорят эмирскую стражу...

Но сейчас с этими оскорбительными речами киммерийцу разбираться не хотелось. Удержав за шиворот пробегавшего мимо мальчишку-рассыльного, он спросил:

— Эй, парень, где тут постоялый двор старика Ицита?

Малец испуганно пожал плечами.

— Не знаю, господин. Здесь такого нет. Я слышал, где-то в другой части города... Не

знаю точно, я там никогда не бывал...

Конан растерянно заозирался по сторонам. Проклятье! Что же произошло? Он не мог представить себе, чтобы среди бела дня такого здоровяка, как он, кто-то перетащил бы в бессознательном состоянии на другой конец города лишь для того, чтобы бросить в темном проулке... Наверняка здесь не обощлось без колдовства!

Но почему тогда незнакомец просто не убил его, — как сделал это с двойником самого Конана?

К реальности его вернул жалобный голосок: — Эй, дяденька, может, все-таки отпустишь меня?

Скосив глаза, Конан обнаружил, что по-прежнему держит за шиворот посыльного. С усмешкой он разжал пальцы, и мальчуган опрометью бросился прочь.

Искать кого-нибудь, кто видел бы, как Конан здесь очутился, было бесполезно. Если кто и заметил что-то неладное, то ничего не скажет подозрительному чужестранцу... Южане — народ замкнутый и себе на уме.

Можно было, конечно, пуститься на розыски постоялого двора, — но какой смысл? Убийца, разумеется, не стал дожидаться Конана и давно исчез оттуда. А труп... труп уж точно подождет.

Решительным шагом северянин направился ко дворцу. Пусть люди эмира разбираются с этой загадкой.

* * *

Но на входе во дворец его подстерегала новая неожиданность. Двое стражников, — не близких приятелей Конана, но все же смутно знакомых ему со времен погони за похитителями принцессы Таммузы, — выступили ему навстречу, едва лишь киммериец появился у дворцовых ворот. Вид у воинов при этом был смущенно-испуганный.

— Мне нужно срочно увидеть эмира! — бросил он им, не обращая внимания на эту странность.

Старший из стражников замялся:

- Ты, несомненно, увидишь его, северянин...
- Что такое? насторожился Конан. Случилось что-нибудь?
- Похоже на то... Дело в том, что нам поручили, как только ты появишься здесь, взять тебя под стражу.
 - Что?!
- Это так, подтвердил второй стражник, протягивая руку, чтобы Конан отдал ему меч. Извини, парень, но таков приказ самого эмира.

Сидя в тесной темной клетушке, в эссаирской темнице, Конан гадал, правильно ли сделал, что сдался без боя. Может быть, стоило оказать сопротивление, разметать гвардейцев в стороны и удариться в бега?... Но для этого киммериец был слишком горд. Он не знал за собой никакой вины, — и к тому же считал эмира Дауда своим другом. Если случилось чтото недоброе, если кто-то оклеветал северянина, — он должен разобраться с этим и как следует наказать обидчиков. Сбежав из Эссаира, он вряд ли сможет это сделать.

Успокаивая себя таким образом, Конан невозмутимо дожидался, пока в его темнице ктонибудь объявится. Наверняка скоро за ним придут...

* * *

Двое мужчин, — старый и молодой, — посреди огромного зала, до отказа набитого придворными жрецами, стражниками и челядинцами, взирали друг на друга через разделявшее их расстояние с одинаковым чувством недоверия и разочарования. За себя Конан мог сказать с уверенностью: он был раздосадован тем, с какой легкостью эмир Дауд с забыл о дружбе, связывавшей их с киммерийцем, как в одночасье презрел его верную службу и помощь в спасении принцессы Таммузы, поверив каким-то нелепым подозрениям и наветам... Но вот что заставляет самого эмира взирать на северянина с таким видом, будто тот оскорбил его в лучших чувствах и не оправдал доверия... это было совершенно непонятно.

Двое дюжих стражников стояли по бокам от Конана, но хотя тот с легкостью мог разделаться с ними обоими, даже безоружным, он не собирался этого делать. Пусть сперва правитель скажет, в чем обвиняет его!

Седобородый эмир Дауд, восседавший на троне под пышным балдахином, в окружении многочисленной свиты, покачал головой, глядя на киммерийца.

— Мне жаль, что я так обманулся в тебе, человек с севера. — В голосе его звучала усталость.

Конан пришурился, чувствуя, как в душе его закипает гнев.

- По какому праву ты обвиняещь меня? разнесся по залу его громовой рык. Я верно служил тебе, и никто...
- Замолчи, презренный! Нам все известно! Это вмешался казначей эмира, стоявший рядом с троном. Наклонившись к плечу повелителя, он что-то с жаром зашептал ему, а затем вновь вперил горящий ненавистью взгляд в Конана. Мы знаем, что ты переметнулся на сторону злодеев, умышляющих похитить принцессу Таммузу. Тебя будут пытать и казнят, если ты немедленно не откроешь нам, кто стоит за этим подлым заговором!

Конан в изумлении воззрился на эмира. Так вот, стало быть, в чем его обвиняют! Но с какой стати, и на каких основаниях?

- Я спас принцессу Таммузу и никогда не имел отношения к ее похитителям!
- Это был лишь хитрый ход, презрительно затряс головой канцлер. Или, возможно, они подкупили тебя позже... Нет смысла отпираться, чужеземец. Повгоряю, нам известно все. Тебя видели, когда ты сновал по дворцу и расспрашивал стражников о том, где они несут службу и как часто сменяются посты...

Что за нелепость!

Конан обратился напрямую к Дауду:

— Господин, не ты ли сам просил меня проверить, насколько надежна охрана принцессы?! Не по твоему ли приказу обходил я посты часовых? Так почему теперь ты слушаешь бредни этого глупца?

Однако эмир лишь бросил на Конана недоверчивый, затравленный взгляд. Похоже, здравому смыслу уже не под силу было коснуться его разума, запутавшегося в тисках страха.

- Это верно, северянин... пробормотал он наконец. Я так и сказал канцлеру, когда сегодня он пришел ко мне с этими обвинениями против тебя. Я сказал, что ты верный слуга и не можешь замышлять худого... Но у него есть доказательства. Для тебя будет лучше, если ты расскажешь нам всю правду.
- Какие доказательства?! взревел Конан. Вместо ответа канцлер подал кому-то знак, и в дверях зала возникли двое стражников-гурджийцев, кажется, те самые, что нынче приветствовали Конана на воротах... Хотя в то время было еще темно, и он вполне мог обознаться.

Однако сами стражники, похоже, не испытывали подобных сомнений.

— Это он, мой господин, — поклонился эмиру старший из них, оказавшись перед Конаном. — Пламенем Эрлика клянусь, это тот человек.

Конан сдерживался из последних сил. Ему хотелось бы схватить этих негодяев за горло и трясти их, пока они не скажут правду, но что пользы могло это сейчас принести ему? Лучше все же сделать попытку докопаться до подлинного смысла этой грязной истории.

— Да, вы видели меня сегодня, — подтвердил он, обращаясь к стражникам. — Но до этого дня мы никогда не встречались.

К вящему его удивлению, стражник упрямо помотал головой.

- Этот человек лжет, мой господин, объявил он эмиру Дауду. Не менее пяти раз за последнюю луну мы видели, как перед рассветом он покидает дворец. На нем всегда был плащ стражника и нагрудный знак, открывающий доступ во внутренние покои... Конан невольно скосил глаза. Да, золотая пластина с выбитым на ней знаком полумесяца красовалась у него на груди. Такая же, как у всех остальных дворцовых стражей... И нам называли имя этого человека, Конан-киммериец. Нам известно было, что господин привез его с собой после погони за проклятыми козгарами.
- И почему же вы свободно пропускали этого человека во дворец? елейным тоном осведомился у стражников канцлер.

Воин пожал плечами.

- Мы считали, что он несет службу во дворце. Я же говорю: у него был нагрудный знак. Мы были уверены, что он имеет право находиться там.
- Однако чужеземец никогда не нес службу в одну смену с гурджийцами! торжествующе объявил канцлер, обращаясь к эмиру. Зачем же он приходил во дворец, если не для того, чтобы шнырять там во мраке, разведывая подходы к покоям принцессы Таммузы? Зачем... если он не на службе у похитителей?

Эмир, качая головой, обратился к Конану.

— Я не желаю этому верить, киммериец. Но не могу и пренебречь явной опасностью. Я не переживу, если лишусь моей возлюбленной супруги. Она — последняя радость, что осталась мне в этой бренной жизни!.. Так что ты скажешь в свое оправдание, человек с севера?

По счастью, это было несложно. Хотя едва ли кто-нибудь поверит ему на основании одних лишь голословных утверждений. Однако стоит эмиру отправить своих людей на постоялый двор Ицита...

- Я знаю, это прозвучит удивительно, ровным тоном произнес северянин. И все же человек, которого видели эти люди, был не я.
- Мы не могли ошибиться! воскликнул стражник. Да и кто мог бы с кем-то спутать такого здоровяка...
- И все же это был не я... упрямо повторил Конан. Я видел того человека, он и правда похож на меня, и в полумраке легко ошибиться... Не знаю, в чем суть заговора, однако вам нужен мой двойник а не я сам.
- И где же нам найти этого *двойника!* канцлер с ехидцей выделил последнее слово, ясно давая понять, что ни на ломаный медяк не верит утверждениям киммерийца. Придворные в зале зашумели. Похоже, им тоже это утверждение показалось не слишком правдоподобным.
- На постоялом дворе Ицита, пояснил северянин. Там, в комнате на втором этаже его труп. И, предупреждая возможные вопросы и обвинения, поспешил добавить: Это не я прикончил его. К несчастью, убийцу я упустил.
 - Как удобно! язвительно прокомментировал канцлер.

Эмир Дауд, приободрившись, тотчас поманил к себе одного из своих телохранителей и быстро отдал какие-то распоряжения. Теперь оставалось лишь ждать. Заметно успокоившись, Конан стал молча следить, как ползет по мраморным полам дворца солнечный луч, падающий через окно, не обращая внимания на шум и разговоры вокруг.

...Однако ожидание закончилось совсем не так, как он предполагал.

Менее чем через полчаса посланцы эмира возвратились с вестью:

— Мы отыскали постоялый двор Ицита, господин. Комната, указанная киммерийцем, пуста, и хозяин утверждает, что у него никогда не было такого постояльца.

И тогда вперед неожиданно выступил бритоголовый жрец Эрлика в алых одеждах.

— В свою очередь я считаю необходимым добавить, — прогремел он, обвиняющим перстом тыча Конану в грудь, — что люди, по моему указанию следившие за этим человеком, не раз слышали от хозяев различных таверн, что он выпивал там с подозрительными типами, весьма напоминающими козгаров...

Лжет ли жрец, пользуясь поднявшейся неразберихой, чтобы уничтожить северянина, которого невзлюбил с первого взгляда, — или и впрямь его соглядатаи наткнулись на загадочные следы двойника Конана? Киммериец этого не знал, да, собственно, и не желал знать. Это не имело значения. Против него сплелась слишком тугая сеть.

Он устремил твердый, холодный взгляд синих глаз на смятенное лицо эмира.

— Ты можешь верить мне или нет, но я не повинен в том, в чем обвиняют меня эти люди. Ты можешь казнить меня — но знай, что казнишь невиновного.

Эмир Дауд поднялся с трона. Спустившись по ступеням возвышения, он оказался в нескольких шагах от Конана и пристально взглянул тому в лицо. Северянин постарался невозмутимо выдержать взгляд владыки.

- Я невиновен, еще раз повторил он вполголоса.
- Я сам не знаю, кому верить. Эмир растерянно покачал головой. Должно быть, одни лишь боги могли бы дать нам ответ.

Внезапно он всплеснул руками и обернулся к жрецу.

- Ассабах! Если этот человек твердит нам о своей невиновности, я требую, чтобы его испытали судом Эрлика!
- Зачем, мой господин! жрец не скрывал возмущения. И без того очевидно, что перед нами отъявленный злодей. Мы должны пытать его, выявить имена сообщников и казнить прилюдно, дабы неповадно было другим...

Но эмир не зря столько лет был единоличным владыкой своих земель, и пусть сейчас старость лишила его сил и прежней крепости, но все же, когда нужно, он умел проявить твердость.

— Суд Эрлика, Ассабах! Я сказал.

* * *

Конан и сам не знал, было ли это решение для него удачным. Поначалу он надеялся спастись бегством, если не из темницы эмира, то хотя бы по пути к главному храму Эрлика, где должно было состояться испытание. Но повсюду кордон стражи был настолько плотным, что прорваться через него не представлялось возможным: эмир прекрасно представлял себе подлинную силу и возможности северянина и не собирался облегчить ему побег.

Солнце, подобравшееся к зениту, палило во всю мощь, изливая волны жара на просторную площадь, на белоснежное с колоннами здание храма, увенчанное куполом, крытым красным золотом, на толпу людей, собравшихся перед святилищем, дабы своими глазами узреть суд над нечестивцем...

Жрецы в алых одеждах казались подобны столпам пламени, окружавшими мраморный постамент, на котором была воздвигнута огромная жаровня в форме головы рогатого демона с оскаленной пастью.

В недрах этой пасти жарко полыхал огонь.

По знаку верховного жреца, служки затянули торжественный гимн. Конана четверо стражников подвели к возвышению. Сам эмир с приближенными наблюдал за происходящим из глубин храма, укрываясь в тени колонн от невыносимого солнечного зноя.

— Этого человека судьи обвиняют в том, что он злоумышлял против престола эмира! — гулко объявил храмовый глашатай, и голос его разнесся над головами тысяч людей, замерших в жадном предвкушении. — Он утверждает, что обвинения ложны. — Площадь издала слитный вздох, рокотом прибоя раскатившийся до самых дальних ее уголков. — Так пусть же Эрлик решит, кто прав!

Конан обернулся к толпе.

- Я невиновен! воскликнул он, потрясая над головой скованными цепью руками.
- Площадь вновь ответила слитным взволнованным вздохом.
- Я невиновен! прокричал он громче. Его заставили опустить руки, чтобы один из стражников ключом разомкнул цепи. Со звоном они упали пленнику под ноги. Теперь оставалось самое простое, и страшное одновременно.

Жрецы Эрлика утверждали, что огонь их божества не сможет опалить невиновного, когда тот сунет руку прямо в горнило...

Конан точно знал, что он невиновен. Но он знал также и то, что Эрлик никогда не был

его богом. Навряд ли Владыка Огня станет щадить сына северного бога Крома... Так есть ли у него надежда на спасение?

Чтобы хоть на мгновение оттянуть время, прежде чем сунуть руку идолу в пасть, северянин окинул взглядом толпу. Десятки и сотни лиц, одинаковых, точно маски... Алчные до чужой крови, жадные, беспощадные... Ни в одном из них, — даже у женщин и детей, — он не видел сочувствия. Зрелище! Вот все, что было нужно этим людям...

Но внезапно взор северянина остановился на одном лице, показавшемся ему смутно знакомым. Кром! Да ведь это же тот человек с постоялого двора! Убийца двойника...

Первой реакцией северянина было закричать, указать на незнакомца... Но он тут же осознал, что в этом не будет никакого прока. Тот успеет укрыться в толпе, — да и кто станет слушать пленника?! Испепеляющим взглядом, полным гнева и ненависти, уставился он на незнакомца.

А тот неожиданно улыбнулся в ответ. Улыбнулся не издевательски, не презрительной усмешкой победителя... Скорее, вид у него был заговорщицки-сочувственный, — и, вопреки всякой логике, в душе у Конана затеплилась надежда.

Более того, ему даже показалось, — хотя на таком расстоянии он не рискнул бы утверждать наверняка, — что незнакомец подмигнул ему... А затем вскинул руку и сделал жест, в смысле которого сомневаться не приходилось.

Он показывал Конану, чтобы тот сунул руку в огонь.

Сам не зная, откуда родилась в его сердце уверенность в том, что все обойдется благополучно, Конан решительно развернулся к идолу, из пасти которого вырывались языки пламени. Помедлив мгновение, он резким движением выбросил руку вперед.

Площадь вскрикнула.

Затем затихла.

Сперва он почувствовал жар, сильный, почти нестерпимый... Но все же северянин был уверен, что огонь не причинит его плоти никакого вреда. Он продолжал держать руку в пламенеющем горниле.

Гул начал нарастать за спиной. Жрецы с испугом на лицах подвинулись ближе, взирая на чудо, которого никак не ожидали увидеть. Человек, который сейчас должен был бы корчиться от невыносимой боли, стоял совершенно невозмутимый, непоколебимый, как скала, — и держал руку в огне.

Помедлив еще немного, пока сам эмир из недр храма не закричал: «Довольно!» — Конан с торжествующим видом вскинул руку над головой, чтобы все могли убедиться, что плоть осталась невредима.

Вопреки ожиданию, толпа хранила безмолвие. Казалось, люди на миг даже позабыли, как дышать. В гнетущей, абсолютной тишине, повисшей над храмом Эрлика, верховный жрец, побледневший, не верящий собственным глазам, через силу выдохнул:

— Огненный бог явил свою волю! Этот человек — невиновен.

И тогда площадь взорвалась восторженными воплями. Чьи-то руки тянулись к Конану, чьи-то рты выкрикивали поздравления и благословения, стражники ритмично стучали рукоятями сабель по обитым медью щитам...

— Конан!.. — послышался голос из дверей храма.

Киммериец обернулся к эмиру Дауду.

— Нет. — Он медленно покачал головой, отступая на шаг. — Моя служба окончена. Я служил тебе верой и правдой, но на это ты ответил неверием и неблагодарностью. Берегись

же, эмир, так ты растеряешь всех преданных людей и останешься с обманщиками и льстецами...

Не говоря больше ни слова и не слушая оправдательных речей правителя, Конан медленно двинулся прочь. Толпа расступалась перед ним, и лишь руки тянулись к мощной фигуре северянина, чтобы хоть мельком, слегка коснуться счастливчика, осененного дланью божества...

Конан шагал, не обращая на них ни малейшего внимания. Шел туда, где заметил в толпе лицо таинственного незнакомца. Убийцы. И своего спасителя.

* * *

- Ты заслужил того, чтобы узнать правду, мой друг. Ты позволишь так называть тебя?
- От человека, который едва не убил меня, да еще не один раз, а дважды, я предпочел бы услышать иное обращение, усмехнулся Конан, наливая в кружку вина из толстобокого кувшина. Но впрочем, можешь называть меня как хочешь. Только прости уж тебя-то я точно «другом» именовать не стану. Его собеседник кивнул.
 - Что ж, я это заслужил. Хотя, клянусь не намеренно.

Они сидели в полутемном зале таверны, куда незнакомец, сам отыскавший Конана в толпе, привел его промочить горло перед отъездом. Ни тот, ни другой не собирались задерживаться в Эссаире надолго, хотя, разумеется, за городскими воротами пути их должны были разойтись.

Ничем не приметное лицо человека средних лет с выдубленной жаркими ветрами кожей и пристальным взглядом темных глаз... Конан не сомневался, что надолго запомнит его.

- Но сперва, мой *не-друг*, я хотел бы узнать, кто ты такой.
- Мое имя тебе ничего не скажет, человек пожал плечами. На нем была невзрачная одежда, какую носят торговцы средней руки... но во всех повадках убийцы Конан безошибочно угадывал воинскую выправку. Довольно будет и того, что я преданный слуга мундарского эмира.
- Эмир берет в гвардию колдунов? полюбопытствовал Конан. Похоже, отец прелестной Таммузы весьма своеобразный правитель.
- Воистину так, с серьезным видом согласился безымянный незнакомец. Желаешь убедиться в этом своими глазами? Он будет рад принять на службу столь умелого и отважного воина.

Но Конан лишь покачал головой, ничем не объясняя своего отказа. Впрочем, в этом не было нужды...

- Солнце клонится к вечеру, заметил он чуть погодя, допивая вино. Если ты не поторопишься с рассказом, то нам придется ночевать в Эссаире. Признаться, мне не хотелось бы оставаться здесь еще на одну ночь. Мне невтерпеж побыстрее убраться из этого города.
- И меня также ждет мой господин, согласно кивнул убийца. Я должен доложить ему, что задание выполнено.
- Задание? удивился Конан. Но какое? И зачем эмиру замышлять похищение собственной дочери?

Собеседник северянина засмеялся.

- Никакого похищения не было, мой друг. Все произошло совсем не так.
- Но кто тогда тот человек, которого ты убил? Человек, так странно похожий на меня? ... Где вы отыскали такого?

И вновь ответом ему был смех.

- Отыскали не его а тебя. Несомненная удача для принцессы Таммузы, что ты оказался так похож на ее двоюродного брата... и возлюбленного. Именно он, Иссехан, пылая горячей страстью и не выдержав разлуки, увез из дворца Дауда прелестную юную супругу эссаирского эмира, с которой состоял в кровосмесительной связи вот уже несколько лет. Но вы отбили ее у верных Иссехану козгаров...
- Любовник принцессы? Конан озадаченно покачал головой. Кто бы мог подумать... Так ты говоришь, их связь началась еще в Мундаре?

Безымянный собеседник печально кивнул головой.

— Да. Эта история прибавила немало седых волос моему господину. Он старался разлучить влюбленных, услал Иссехана в Туран, а сам поспешил выдать Таммузу за Дауда... Ничто, кроме угрозы разоблачения и позора, не смогло бы заставить его прекратить давнюю вражду и выдать свою ненаглядную дочь за человека, который на добрых двадцать лет ее старше... Но эмир Мундара опасался, что среди подданных его возникнет недовольство, как только связь принцессы со своим двоюродным братом, выйдет наружу. Этим могли воспользоваться жрецы, давно уже расшатывающие основы престола... А Таммуза ничего не желала слушать. Хуже того, она и сюда сумела вызвать своего возлюбленного. Сперва он увез ее, обставив все как похищение, а на самом деле намереваясь бежать с принцессой в Иранистан... Когда же супруг вернул Таммузу во дворец, она придумала новый план.

Догадка вспыхнула во взоре Конана.

- Она, должно быть, замыслила это, когда впервые увидела меня! Обратила внимание, насколько я похож на ее любовника... А затем добилась, чтобы эмир назначил меня в отряд стражников, охранявших доступ в женские покои...
 - Совершенно верно, кивнул мундарец.
- Принцессе было известно о том, что две смены стражников не поддерживают отношений между собой. Когда смена гурджийцев видела входящего в ворота рослого воина, на которого им указали, как на Конана-киммерийца, они не сомневались, что это ты и есть... А дальше Таммуза сама открывала Иссехану доступ в свою опочивальню.
 - Но это ведь не могло продолжаться долго,
 - Конан покачал головой. Рано или поздно кто-нибудь узнал бы правду.
- Да, и хвала Эрлику, что первыми были мы. После похищения принцессы Таммузы мой господин, эмир Мундара, прислал сюда меня, своего доверенного слугу: он сразу заподозрил, что похищение могло быть подстроено Иссеханом, как только узнал, что тот спешно покинул

Туран. Отыскав Иссехана, я потребовал, чтобы он прекратил преступную связь с принцессой, ставящую под угрозу союз между двумя правителями... не говоря уже о счастливом браке самой принцессы... Но Иссехан отказался.

- И тогда ты убил его, кивнул киммериец, делая знак хозяину таверны, чтобы принес еще вина.
- А что мне оставалось?... пожал плечами слуга мундарского эмира. На свете есть вещи поважнее любви.

- Политика, с отвращением поморщился Конан.
- Называй как хочешь. Убийца Иссехана опрокинул полную кружку вина. Похоже, он даже не чувствовал вкуса напитка, и самый крепкий хмель не брал его. Я лишь исполнял свой долг. И Эрлик свидетель, киммериец я рад, что не убил тебя.
 - Дважды, засмеялся Коннан.
- Да, дважды, повторил тот. Впрочем, уверен, что сам Эрлик не возражал бы против моего небольшого колдовства. Он справедливый бог, хотя и подвержен гневу. Он чтит истинных воинов и никогда не карает невиновных.

Таммуза была виновна. И Иссехан тоже... Из рук человека, что сидел сейчас напротив Конана, они приняли наказание.

Северянин поднялся с места.

— Ладно. Мне пора уезжать из этого города, — промолвил он твердо. — Прощай, и да хранят твои боги... друг.

Выехав за городские ворота, Конан-киммериец уверенной рукой направил свою лошадь за запад. Он ни разу не оглянулся назад, туда, где в зареве багровых лучей заката тонула каменная громада Эссаира.

Довольно с него восточной утонченности и восточного коварства! Честность и прямота стального клинка, ярость битвы, преданные друзья и горячие женщины, — вот все, что нужно настоящему мужчине...

Он во весь опор мчался к новым приключениям. Эссаир вскоре остался далеко позади. Пережитое — и почти уже забытое приключение.

* * *

Густой была ночь за окнами опочивальни, и, словно лунный свет, светилось белизной тело женщины, раскинувшейся на шелковом покрывале.

- У меня добрая весть для тебя, мой супруг и господин, промолвила она, протягивая руки к мужу, что сидел на краю постели, с любовью взирая на принцессу.
- Любые слова твои нектар для моих ушей, возлюбленная, отозвался он, сжимая ее в объятиях. Порадуй же меня своей вестью... Хотя мне кажется, я уже знаю, о чем ты мне скажешь.
- О, сколь велика проницательность моего господина! Так, может, ты заранее поведаешь мне, кто родится у нас девочка или мальчик?

Эмир Дауд улыбнулся горделиво: сколько ни было в прошлом у него наложниц, за долгие годы, невзирая на все усилия знахарей и колдунов, ни одна не из женщин так и не облагодетельствовала его младенцем... Он боялся, что Эрлик призовет его к себе, так и не изведавшим радостей отцовства.

— Это будет мальчик! — воскликнул он и вскочил. — Мальчик! Наследник, которому суждено объединить Эссаир и Мундар. Он прославит в веках мое имя!

Глаза женщины, из полумрака взиравшей на эмира, блестели от непролитых слез, но, охваченный ликованием, ее супруг не замечал ничего.

...Воистину, правы жрецы Эрлика и пророка его, Вечноживущего Тарима, когда говорят:

